

OGON' I DYM

Published @ 2017 Trieste Publishing Pty Ltd

ISBN 9780649660803

Ogon' i Dym by M. A. Aldanov

Except for use in any review, the reproduction or utilisation of this work in whole or in part in any form by any electronic, mechanical or other means, now known or hereafter invented, including xerography, photocopying and recording, or in any information storage or retrieval system, is forbidden without the permission of the publisher, Trieste Publishing Pty Ltd, PO Box 1576 Collingwood, Victoria 3066 Australia.

All rights reserved.

Edited by Trieste Publishing Pty Ltd.
Cover @ 2017

This book is sold subject to the condition that it shall not, by way of trade or otherwise, be lent, re-sold, hired out, or otherwise circulated without the publisher's prior consent in any form or binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

www.triestepublishing.com

M. A. ALDANOV

OGON' I DYM

614
2535px

Landau, Mark Aleksandrovich

(М. А. АЛДАНОВЪ)

ОГОНЬ И ДЫМЪ

PRESSE FRANCO-RUSSE

504920

6.3.50

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТЬ»
ПАРИЖЪ

1922

Настоящая книга составлена изъ этюдовъ, написанныхъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Слѣдуя недавно поданному съ разныхъ сторонъ примѣру, я выпускаю эти этюды отдѣльнымъ томомъ. Статьи, которыя мы писали въ изгнаніи, могутъ быть хороши или дурны, скучны или интересны. Но каждый изъ насъ несетъ за нихъ отвѣтственность. Между тѣмъ только въ формѣ книгъ онѣ имѣютъ шансы дойти до читателей оставшихся въ Россіи.

Число кающихся эмигрантовъ растетъ. Они говорятъ намъ, что отношеніе къ «бѣжавшимъ» писателямъ будетъ особенно суровое, связанное съ общимъ предубѣжденіемъ. Я этого не думаю. Великій русскій писатель-эмигрантъ завѣщалъ намъ нѣсколько страницъ, гдѣ хорошо объясняются причины «бѣгства» изъ странъ, въ которыхъ попрано человеческое достоинство и нѣтъ мѣста свободной рѣчи. Надо ли повторять огненные слова А. И. Герцена?

АВТОРЪ.

ОГОНЬ И ДЫМЪ.

Вареоломеевскій годъ. — Одинъ изъ очевидцевъ ночи 23 августа 1572 года безхитростно рассказываетъ на старинномъ французскомъ языкѣ: «Въ эту ночь смерть и кровь понеслись по улицамъ нашего добраго города. Я видѣлъ знатныхъ господъ, которые съ яростью проносились мимо меня, крича: «Tuez, tuez, le roi l'ordonne!» Не знаю, въ чемъ дѣло, но они, вѣроятно, правы; только смотрѣлъ я на все это въ глубокомъ изумленіи (à merveille estonné). Наконецъ, я рѣшился выйти, — огонь уже догоралъ, но шелъ по Парижу густой чернѣйшій дымъ».

Когда лѣтъ шесть тому назадъ*) намъ попались въ руки письма или воспоминанія современниковъ Вареоломеевской ночи, чуждой и непонятной представлялась намъ мрачная психологія людей 16-го вѣка. Вотъ хотя бы что доносилъ съ восторгомъ Филиппу II его

---

*) Писано въ декабрь 1919 г.

парижскій посоль Цунига подь первымъ впечатлѣніемъ кроваваго зрѣлища:

«Въ то время какъ я пишу, они (католики) убиваютъ ихъ всѣхъ, срывають съ нихъ одежды и влачатъ ихъ по улицамъ; они грабятъ дома и не даютъ пощады даже дѣтямъ. Да благословенъ будетъ Господь, который привлекъ французскихъ принцевъ къ своему святому дѣлу! Да внушитъ онъ сердцамъ ихъ продолжать такъ, какъ они начали!»

Самъ король испанскій, по словамъ современниковъ, получивъ извѣстіе о Варооломеевской ночи, разсмѣялся отъ радости въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни. Онъ велѣлъ пропѣть *Te Deum* въ монастырѣ св. Иеронима и немедленно отвѣтилъ Цунигъ: «Ваше извѣстіе было одной изъ величайшихъ радостей, когда либо выпадавшихъ на мою долю. Сейчасъ-же выразите королевѣ-матери удовлетвореніе, которое вызываетъ во мнѣ дѣйствіе, столь угодное Богу и Христу; оно будетъ передъ потомствомъ величайшей славой короля, моего брата».

Не менѣе довольна была и королева-мать. Она изъявила свое удовольствіе въ формѣ сжатой и логичной. «Гораздо лучше, чтобы это случилось съ нами, чѣмъ съ нами». И Катерина Медичи прибавляла иронически

на рифмованномъ французско-латинскомъ языкѣ: «*Beatus qui non fuerit in me scandalizatus*».

Впрочемъ, почти никто особенно скандализованъ и не былъ. Извѣстный памфлетъ Отмана (*De furoribus gallicis*), который сдѣлалъ изъ Вареоломеевской ночи весьма радикальные — пожалуй, и для нашего времени — политическіе выводы, составляетъ исключеніе. Католическое общественное мнѣніе отнеслось къ событію даже нѣсколько благодушно. Веселый Брантомъ упомянулъ о немъ въ своемъ обычномъ тонѣ балагура (оправдывая репутацію, сдѣланную ему позднѣйшимъ критикомъ: «этотъ человѣкъ ни разу въ жизни не поинтересовался вопросомъ, что такое добро и зло»).

Были однако и исключенія въ станѣ торжествующихъ побѣдителей. Тотъ же Брантомъ рассказываетъ о благочестивой Елизаветѣ, королевѣ французской, женѣ озвѣрѣвшаго Карла IX: «*Elle s'étoit allée coucher de bonne heure la veille de la saint-Barthélemy. Ne s'étant réveillée qu'au matin, on lui dit à son réveil le beau mystère qui se jouait. «Hélas! dit-elle soudain, le Roy mon mari le scait-il?» — «Oui, Madame, répondit-on, c'est lui-même qui le fait faire». «O! mon Dieu! s'écria-t-elle, qu'est cecy? et quels conseillers sont ceux qui luy ont donné tel advis?... Mon*

Dieu!... J'ay grand peur que cette offense ne lui soit pas pardonnée».

Теперь, на пороге двадцатых годовъ двадцатаго вѣка, мы читаемъ рассказъ Брантома иначе. Цѣлые годы живемъ мы въ умственной и моральной атмосферѣ Вареоломеевской ночи. Психологія испанскаго посла намъ гораздо ближе и понятнѣе, нежели психологія французской королевы. Последнее пятилѣтіе представляетъ собой поразительный рецидивъ исторіи. Пулеметь замѣнилъ пищаль, вотъ и весь прогрессъ съ 16-го вѣка. А вѣдь были ученые, спорившіе съ Вико по вопросу о возможности историческихъ *ricorsi*.

Огонь, бурлившій пять лѣтъ, кажется, понемногу догораетъ. Но идетъ по всей Европѣ густой черной дымъ. Мѣстами сверкаетъ и пожаръ: одно изъ этихъ мѣстъ — шестая часть земли. Вареоломеевскій годъ кончился. Вареоломеевскій годъ начинается.

Въ Кобленцѣ. — Въ Кобленцѣ въ пору Великой Революціи скопились самые знатные и самые реакціонные изъ французскихъ эмигрантовъ. Мелкое дворянство расселилось въ дешевой Лозаннѣ; болѣе либеральные роялисты уѣхали на жительство въ Лондонъ. Эмигранты Кобленцскаго двора

сходились между собою въ политическихъ взглядахъ. Единодушно признавали необходимымъ возстановить старый самодержавный порядокъ и вернуть законнымъ владѣльцамъ родовыя помѣстья, наложивъ штрафы и пени на дерзкихъ захватчиковъ-вассаловъ. Составляли длинные списки людей, подлежащихъ смертной казни; первымъ номеромъ въ этихъ спискахъ шелъ Лафайетъ, котораго ненавидѣли гораздо болѣе, чѣмъ Марата. Крайнихъ якобинцевъ скорѣе даже уважали за крѣпкія слова и за идею твердой власти. Спорили больше о томъ, кому командовать карательной экспедиціей: принцу Конде или маршалу де-Брой; перваго считали недостаточно твердымъ, а у втораго сынъ служилъ въ революціонной арміи. *Un de Broglie!*...

Жили эмигранты со дня на день, ожидая конца случившейся съ ними непріятной исторіи. Уже былъ израсходованъ послѣдній миліонъ ссуды, присланной Екатериной Второй. Штатъ двора сократился. Время праздниковъ и баловъ миновало. Передавали зловѣщія слухи о начавшейся тяжелой нуждѣ. Герцогиня де-Гишъ поступила въ сидѣлки; маркизу де-Гильомъ кормилъ на свой счетъ ея старый лакей; графъ де-Майи сталъ наборщикомъ; виконтъ де-Куанье открылъ сапожную мастерскую. Вполголоса называли имена знат-